

АНАТОЛИЙ ИВАЩЕНКО

СПЕЛЫЙ ВЕТЕР

Анатолий Иващенко

Спелый ветер

«Литературная Республика»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Иващенко А.

Спелый ветер / А. Иващенко — «Литературная
Республика», 2016

ISBN 978-5-7949-0534-2

«Уважаемый читатель. Перед тобой книга стихотворений одной формы, которую я хотел бы называть „Русский сонет“. Строение её, в отличие от франко-итальянского и английского сонетов, имеет свои особенности, которые выражаются в „рифмологической архитектуре“. „Скелетом“ формы является триолет, растянутый дважды – 16 строк, триолетные строки расставлены симметрично – через каждые семь строк, второй катрен разбит на две парные рифмы, а заключительная часть может читаться как отдельное русское восьмистишие. Иногда триолетные строки могут быть вариационными, инвариантными, трансформированными, но обязательно связанными либо тематически, либо звуками и образами тонально, или метроритмически. Форма „Русского сонета“, как и всех сонетов – является „твёрдой“, устойчивой, симметричной, и здесь она также соблюдена...»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0534-2

© Иващенко А., 2016

© Литературная Республика, 2016

Содержание

От автора	7
В дорогу!	8
Рожечник	9
«Правды нет. Вокруг – неправда...»	10
«С вишнёвым сиропом халва...»	11
«Прекрасно ночью у лимана!...»	12
Искушение Водяного	13
«В ладонях факел листьев медных, алых...»	14
Лист «Утешенье»	15
Музыкальный момент	16
«Ловит византийский запах чайка...»	17
Каменный идол	18
«На дуэлях – белый с красным...»	19
Шкипер	20
«Ледовой фигуры душа нараспашку...»	21
«Сирень ли только в этом виновата...»	22
«Случайность каждая – знаменье...»	23
«Изъяны и изнанки...»	24
Фантазия-экспромт	25
Капельмейстер	26
Авангардная пьеса	27
Паганини. Кантабиле	28
Ветер ледяного городка	29
Затмение	30
«Поэма счастья путает страницы...»	31
Тсс!	32
Что мне не жаль сжигать в костре?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Иващенко

Спелый ветер

© Иващенко А., 2016

© Московская городская организация Союза писателей России

© НП «Литературная Республика»

* * *

От автора

Уважаемый читатель.

Перед тобой книга стихотворений одной формы, которую я хотел бы называть «Русский сонет». Строение её, в отличие от франко-итальянского и английского сонетов, имеет свои особенности, которые выражаются в «рифмологической архитектуре». «Скелетом» формы является триолет, растянутый дважды – 16 строк, триолетные¹ строки расставлены симметрично – через каждые семь строк, второй катрен разбит на две парные рифмы, а заключительная часть может читаться как отдельное русское восьмистишие. Иногда триолетные строки могут быть вариационными, инвариантными, трансформированными, но обязательно связанными либо тематически, либо звуками и образами тонально, или метроритмически. Форма «Русского сонета», как и всех сонетов – является «твёрдой», устойчивой, симметричной, и здесь она также соблюдена.

Эта форма самозвано явилась в мои черновики когда-то, и закрепилась наряду с другими.

Анатолий

¹ Триолетная строка, как правило – первая строка, повторяющаяся трижды, требующая не повторяющуюся рифму. В этом – особая рифмологическая «архитектура» «Русского сонета».

В дорогу!

На плече – пустая рама,
прост и лёгок первый шаг.
Позади остались: драмы,
юность, детство, синий шар...

Охнет с эхом майский гром,
дрогнет пылкое перо.

Невесомость, лёгкость, радость...
На плече – пустая рама.

Профиль выскользнет из пятен,
междометие вспорхнёт...
Путь раскущенный – заклятье,
да ещё и тропка ждёт.
Неизменны – гомон, гаммы,
грай. ...А на плече одном —
Божеству пустая рама,
якорь фарга – на другом.

Рожечник

Повстречали мы весну
в белой рощице вдвоём.
Закричи, кичливый гусь,
раздувайся пузырьём.

Расщепляет пищик звуки,
атональной дикой утки.

Фон как тишина – без дна.
Просыпается весна!

Уж, вы, гужвы, жух-жугвы,
пожурите жувра иржх.
Гужи-ужвы, шурх-жувры...
Что же будет впереди!
Почки лопаются, хором
слышатся припевы прях.
Просыпаются просторы.
На рожке играю я!

«Правды нет. Вокруг – неправда...»

Правды нет. Вокруг – неправда.
От волны ползёт звезда.
Бурлаками тянут крабы
потонувший бот со дна.

В нём ядро, из бука крест,
и охотничий обрез,

амулет коряка, ладан,
прячется в туман неправда...

Из воды взлетает рыба,
как всегда полно забот,
ведьма возится с корытом, —
(полетит, иль поплывёт?).
В ночь рождения баллады
размывают волны след...
Правды нет. Вокруг – неправда.
И меня как будто нет.

«С вишнёвым сиропом халва...»

С вишнёвым сиропом халва,
в развале взгрустнули пионы...
А вот – исключение для Вас
и шёпот колено-преклонно.

Забить о вчера, послезавтра,
накрыть на двоих поздний завтрак:

«Кантабиле» струнного звук,
с вишнёвым сиропом халву,

нюанс ананаса и льда,
угрозы, с улыбкой, шутливо...
Пусть в память войдут навсегда:
ответ – «нет-нет-нет!» торопливый,
и херес, конечно, для Вас,
и кофе под сливочной пенкой,
с вишнёвым сиропом халва,
и тень Паганини на стенке...

«Прекрасно ночью у лимана!..»

Прекрасно ночью у лимана!
Волна, песок, на нём: меандр
и строки иеремиад,
морских трилогий, драм, романов...

Часы застопорили ход,
поставив там, где плёс и брод,

балет бакланов и лобанов...
Прекрасной ночью у лимана!

Удара в трюм разнёсся гул,
разбили в крошку кромку чайки,
проснулась цепь на берегу,
и рында звякнула с причала.
И, кажется, не будет завтра
и можно жить лишь тишиной...
Но как прекрасно под луной
быть в ощущении театра!

Искушение Водяного

От страшного сна не очнуться —
на якоре старец, вокруг
акулы в наждачных кольчугах
ведут с осьминогом игру.

И слышится, с проблеском, хруст.
Ласкается щупальцем спрут.

Медузы колышутся чутко.
От страшного сна не очнуться.

Сверкают как лезвия жабры,
мурены висят на плечах,
огромная белая жаба
как сфинкс замерла на часах.
Не сдвинуться, не развернуться
в кругу мекфистофельских жиг,
от страшного сна не очнуться,
не смазать его миражи...

«В ладонях факел листьев медных, алых...»

В ладонях факел листьев медных, алых.
Застенчивый и робкий листопад!
Настало время лето пролистать, —
я встречу ночь в беседке обветшалой.

И крачкой полечу на старый плёс,
вернёт меня на Землю пульс колёс,

где я под стук стихающий, усталый
сжимаю факел листьев пятипалых...

Штрихи дополнят: мелкий дождь, свистки
и шёпот, отвечающий на шёпот...
Цветной ромашки меркнут лепестки,
испытывая состоянье шока.
Задумчивее стали: палисад,
в тиши мазков палитры – полутени,
и первый, робкий медный листопад,
как акварель осенних сожалений...

Лист «Утешенье»

Неизбывный поток разноречицы тени и света,
парк двенадцати тропок, шиповника запах, июнь.
Тишину окаймляют шмели баритонами слепо.
Я опять безмятежен, как вьюн, я растроган и юн.

Память выявила деревянных качелей мотив.
Можно в дымные думы, глаза закрывая, войти.

И ещё раз прочувствовать глубь бесконечного лета,
неизбывный поток разноречицы тени и света...

Улетит и вернётся мелодия спелого ветра, —
я прелюдию слушаю мудрых седых тополей.
Появляется, вдруг, отголоском бездонного лета
полустёртый портрет отражением дней и ночей.
Этот миг, за который цепляется каждая ветка,
возвратится и вновь улетит, как неясная мысль,
в неизбывный поток разноречицы тени и света,
сквозь примолкшие кроны деревьев в прохладную высь...

Музыкальный момент

Рубиновых лучей скрещенье,
и можно утонуть в басах.
А я в полярных ощущениях,
и Моцарт смотрит мне в глаза.

Скрипят колки, и где-то рядом
разбит фиал глинтвейна с ядом,

ломают с эхом черенки,
шипят рубина угольки...

Хрустит сушняк как черепица,
и слышится подпил струны,
двенадцать тактов будет длиться
мотив сгорающей сосны...
Клокочут змейки медной тубы,
золу гоняя, дышат в такт
с дымком рубиновые зубы
в дупле иссушенного рта...

«Ловит византийский запах чайка...»

Ловит византийский запах чайка.
Не зови меня за горизонт!
Летом не хочу менять причала.
В длинном крике явно слышен стон.

Думаю, что все поймут меня —
может быть зимой, в начале дня...

Дымка и нырки. Волна качает.
Ловит византийский запах чайка...

Это невозможно в светлом мае,
(ранние рассветы, бриз и зыбь),
в мае быт рыбацкий не меняют —
(аромат бензина, трап скользит).
Птица начинает всё сначала,
за собою звать не устаёт.
Ловит византийский запах чайка,
покоря снова небосвод.

Каменный идол

Где время не имеет берегов,
блуждают в думах каменные старцы...
Шаманский знак отбит на лбу его,
он выжил, смог самим собой остаться.

Вершился культ: и хоровод, и танцы,
с грехами можно было вновь расстаться.

Звучало эхо заговорных слов,
где время не имеет берегов...

Грозится идолом ночная степь,
где лёгкий дым – гонец слепой тревоги,
где ветры гложут россыпи костей,
и вдаль летят, где каменные Боги
иных равнин, зубами стиснув зов,
в столетних позах йоги дышат праной,
где время не имеет берегов,
и травы гнутся почерком Корана.

«На дуэлях – белый с красным...»

На дуэлях – белый с красным,
с красным – жёлтый, жёлтый – с чёрным,
с парусиной – лоск атласный,
с Северяниным – Кручёных...

с флейтой Ада – лира Рая,
с соловьём – субтон курая,

с безрассудностью – опасность,
с белоснежным – ярко красный...

С откровением – молчанье,
и со штормом – цепь причала...
С гулом рынды – стоны чана,
с тишиной – ветра печали...
По своей идти дороге,
противоположно, часом,
безусловности и догме,
принимая все контрасты!

Шкипер

Купаются чайки во взгляде бездонном,
в шершавых ладонях мозолей руда.
Уходят всё дальше от нас горизонты,
и, слушает бездну в тиши Кара-Даг.

Тоскует душа по просторам морским,
и по закоулкам ночей хуторских.

Кочуют по морю туманов бизоны
и плещутся чайки во взгляде бездонном...

То тихим присвистом на мысль отвечает,
то с кем-то бессловно ведёт диалог.
Блуждающий странник рыбацких причалов
заплыл в эпилог бесконечных дорог.
У мазанки – столик уютный со стоном,
над ним – как бычок из латуни луна.
Купаются чайки во взгляде бездонном.
И – ночь. И – цикада. И – бездна без дна...

«Ледовой фигуры душа нараспашку...»

Ледовой фигуры душа нараспашку.
Тепла бы чуть-чуть, но убежища нет.
Все стали на год ускользающий старше,
скатился январь по зеркальной тропе.

Там снежная Баба под маскою пса
у крепости снежной стоит на часах,

а здесь – надевают на тело тельняшку,
ледовой фигуры душа нараспашку...

Сквозящие тембры всегда динамичны.
Тепла бы немного, но нет и костра.
Но, как и всегда, божества ироничны,
февральского Пугала совесть чиста.
Сосульки под крышей щетинятся страшно.
Прочитан в окне приглашения знак.
Ледовой фигуры душа нараспашку.
И хочется чудо на ужин позвать...

«Сирень ли только в этом виновата...»

Валентине П.

Сирень ли только в этом виновата —
исчезли в бездну сумрачные дни,
гуашь, мазки, и майские раскаты,
бессвязный лепет, шорохи страниц...?

Качнулся ворох высушенных роз,
влетел в окно без спросу чёрный дрозд,

жирней и ярче – на палитре пятна,
сирень ли только в этом виновата?

Пока не надо друга, пары, тени.
На холст набросок вполз из полусна.
Бокал вина. Луна. Прозрачный тенор.
Взлетел вскипевший стебель со стола.
Болит в душе какая-то утрата.
Теперь рукой подать до первых гроз...
Сирень ли только в этом виновата
иль в память залетевший чёрный дрозд?!

«Случайность каждая – знаменье...»

Случайность каждая – знаменье.
Острее, ярче каждый штрих,
чувствительней подтекст измены,
проникновенней каждый стих.

Скрывает много каждый знак.
Не знает партитура дна.

Палитра – крен самосожженья.
Пятно – акцент, – предвосхищенье.

Чернила с клюва... Сантименты...
Просторней: небо забытья,
коллаж размётанных фрагментов
и... гениальности изъян!
Над этим всем – грозы затменье
и, как молитва, капель стук,
и каждая деталь – знаменье,
и значимее каждый звук.

«Изыяны и изнанки...»

Изыяны и изнанки
картонных масок спят.
Ползут по окнам знаки
в цветные сны ребят.

Лиловый огонёк
окрасил уголок,

на этом фоне явно
звучат едва изьяны...

Пусть всё вот так и будет
у нас под Новый год —
подарков детских груды,
искристый небосвод,
улыбка обезьянки,
нечаянный звонок,
изьяны и изнанки
как... времени итог.

Фантазия-экспромт

Звучит вступления аккорд:
смола душистой хвои свежей,
и запахи прибрежных гор,
лаванды утренней и нежной.

Йод, канифоль, имбирь со спиртом,
цветные жидкости в пробирках.

Значений, знаков, чисел брод.
Звучит вступления аккорд...

Сиреневый струится свет,
огонь под колбой, дым и всплески...
Чу! – восковых фигур квартет,
горбатый карлик – у челюсты.
И пахнет мистикой фиорд,
и непонятно время года.
Вот и вступления аккорд —
разбита чаша небосвода!

Капельмейстер

Белые перчатки, взмаха выпад,
фрака мышь летучая летит,
заросли гобоев, хохот выпи,
струнные скелеты в забыти...

Каждой ночью – чёрная работа:
под сарказмы хриплые фаготов,

реплики казарменных острот...
Белые перчатки... Хаос строк...

Сцены у фонтанов, шорох ложи,
флейт аттракционы, тушь, перо,
и дирекционы в мягких кожах
и раненья лёгкого тавро,
хляби интендантского обоза,
станции, станицы, дождь и град...
Белоснежная перчатка с розой —
лучшая награда из наград.

Авангардная пьеса

Нестройных сплетен музыкантский трёп
на языке, кларнета «Es-ного», рассвета!
Распутаны узлы дремучих троп,
блестят очки, монокли и лорнетты.

Осиный унисон как фон валторны.
Всё ярче и сильнее смычковых ссоры.

Аллитерация губная проб,
нестройных сплетен «ползающий» трёп...

Намёк картавит пищиком рожок,
и в приступе признанья окарины.
И вот уже бесчувствия порог
бесстрастья знаки оставляет в минах.
Вот эпилог – тромбонов с гонгом рёв,
ворчанье контрабасов затихает,
нет больше сплетен, невозможен трёп,
на три piano точка коды тает...

Паганини. Кантабиле

Продолжают звучать, мимолётными делая дни:
кантилена, щелчки, флажолеты, и россыпь стаккато.
Пролетел отголосок, заученной в детстве, цитаты,
и к подснежникам тянутся снова дремучие пни...

Настороженность хочется слышать листвы прошлогодней,
угадать контрапункт разветвлённых контрастных мелодий.

Консонирующие подстрочия струнных станиц
продолжают звучать, мимолётными делая дни...

О глазах пронизательных этот короткий рассказ,
о мгновении жизни, о таинстве вечном начала,
и о том, кто болезненно принял тактичный отказ
и теперь обречён на общенье с виолой ночами.
В недосказанности, многозначности трудно винить.
Откровенья смычка доверительно и величаво
продолжают звучать, мимолётными делая дни,
заставляя забыть о себе в просветлённой печали.

Ветер ледяного городка

Блестят пилёных льдин осколки.
Метелица. Всё как во сне:
На фиолетовых иголках
стал серой ватой колкий снег.

Русалки блекнет чешуя.
Хитрит лисица. Рядом я.

Зеркальная дорожка в сколах.
Померкли мутные осколки.

Бесхвостый пёс застыл как в коме,
оброс сосульками дракон.
Ушли от Белоснежки гномы,
без хобота скучает слон...
Как жаль, – и это – ненадолго.
Январь простился навсегда...
И ветер дует на осколки,
раздуть, пытаясь искры льда...

Затмение

То вместе, то попеременно
звучат откровения гласных:
там – спрятавшихся манекенов,
здесь – двух мельхиоровых масок.

Я слышу – то громко, то тихо,
там – женственных амфор партита,

здесь – стретто пчелиной поляны,
и шёпот то мнимо, то явно...

И – пятого времени года —
прелюдии пылких желаний,
мгновеньям украденным оды,
ноктюрны прекрасным обманам.
И – пауз воздушные ямы,
где я в полутьме, полусонно,
бесплотный, то мнимо, то явно
впадаю опять в невесомость...

«Поэма счастья путает страницы...»

Поэма счастья путает страницы
и недомолвки юной чистоты.
Последний снег не так уже искрится,
не те: наивность, смех, не те черты.

Цветы воспринимаются не так.
И музыка не наша и не та...

Закрой глаза – мелькают годы, лица.
Поэма счастья путает страницы...

Нет теплоты, и не нужны подарки,
нет тайных встреч, наития темны.
И нет тебя в старинном нашем парке.
Как будто нет, и не было весны!
Мне с детства снятся: шорох Синей птицы
и лампочек сиреневых аккорд.
Поэма счастья спутала страницы.
Всё где-то рядом. Но – как далеко!

Тсс!

Перебираю грани слов
под скрип пера, страницы шорох.
Мне слышен тихий, с эхом, зов,
вздохнули шёлковые шторы.

Строка, не прерываясь, кружит,
ведёт туда, где память глубже...

Узлы, прощупывая строф,
перебираю грани слов.

Вот: Чёрной магии число,
латунных губ живой эпитет,
вот сдержанный иконы слог,
и необузданность палитры...
Так и сижу до сквозняков,
несущих белоснежный лепет,
перебирая грани слов
насторожённого столетия.

Что мне не жаль сжигать в костре?

Пусть тянет в темень дым костра,
бредущий от конструкций песен,
сгорают: отклонений стан,
и штампов масляная плесень...

Сухой малинник недомолвок,
подтекст приятельских уловок.

Пусть ветер будет сплин листать,
тянуть в темноты по кустам...

Укоров корки тлеют и —
сухих картвинок заплатки,
плетёнка гибких догм дымит
и – бородатых шуток вата,
и – вороха подвохов, хлам.
Но не горят времён осколки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.